

кто от него уходил, его зова в упор не слыша, те, кто сидел у стены, перегоревшей мир, в тайной вечере с севанским ишханом на блюде. Услышат и проснутся в сомнамбулическом сне своем. Проснутся и помогут гонцу спуститься с этой вот Голгофы, такой обжитой ими, но запущенной, в обжитый и привычный мир гонца. Они сменят павшего в странствиях осла, и девочка, чистая, как солнечный восход, с надкусанным яблоком в руках, побежит за ним, крича добрые напутствия. Так и надо жить — в добре и в умении друг друга слышать.

Путь к храму? Пусть будет так. Путь к храму у каждого свой. У Вирапяна тот путь через муки и стертые до дыр подошвы модных туфель Христа из Еревана. Посмотрите этот фильм на фоне авторской чернухи — и смоете с глаз своих тушь не на веках, нет, на зрачках.

И еще. Эдуарда Вирапяна называют учеником Сергея Параджанова. Нет, никакой он не ученик да и встречался в киноразговоре с ним всего лишь раз. И мастер, уже больной и тучный, поставив на табурет ботинок, обутый на босую ногу, попросил, стыдясь своей немощи: «Сынок, прости за такую просьбу. Зашнуруй. Нет уже сил...»

И Богу обмывали ноги, того действия не стыдясь. Никакой он не ученик Параджанова, Эд. Вирапян, новое имя в кино завтрашнего дня, просто он благодарен мастеру без границ и обязательств, прародителю нынешнего независимого кино, за то, что тот жил, творил и обязывал трудиться честно не ради рубля, а ради свободы. Он начинал своего «Гонца» в пору, когда Сергей Иосифович жил, и мечтал, что тот станет первоизрителем. Он хотел сделать такую ленту, чтобы старый мастер сказал ему:

— Спасибо, сынок...

Вот и все о скорбном пути на Голгофу пижона с очками...

Вадим ЛЕТОВ.  
(Соб. корр. «ЭС»).

КИШИНЕВ.